

Юрий Федорович КУКСЕНКО

НАШИ
БЕСЕДЫ

Юрий Куксенко

Наши беседы

«Titel-Verlag»

1990-2003

Куксенко Ю. Ф.

Наши беседы / Ю. Ф. Куксенко — «Titel-Verlag», 1990-2003

ISBN 3-934583-30-X

В книге Юрия Федоровича Куксенко переданы многочисленные беседы, в которых затрагиваются самые различные вопросы недавнего прошлого Союза и Совета Церквей евангельских христиан-баптистов в СССР. Автор выражает свою личную точку зрения, рассказывает лишь о событиях, в которых принимал непосредственное участие. Тем не менее, многие моменты могут показаться острыми. Поэтому книга адресуется прежде всего утвержденным в вере христианам, а также служителям церкви.

ISBN 3-934583-30-X

© Куксенко Ю. Ф., 1990-2003

© Titel-Verlag, 1990-2003

Содержание

Вместо предисловия	6
Предисловие автора	8
Часть первая. Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) и раскол	10
Беседа первая	10
Беседа вторая	16
Беседа третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юрий Куксенко

Наши беседы

© «TITEL-Verlag», 2005 г.

* * *

«...Он не ангелом был.
Жил во плоти, как мы.
Был порою, быть может, суровым.
Но, себя не щадя, не чуждался тюрьмы
За великое дело Христово.

Много били его – и враги, и свои,
Обижали и те, и другие...
Но ни те, ни другие убить не смогли
В нем ни веру, ни чувства святыя.

Он на ниве Господней трудился, как мог,
Не жалея ни время, ни силы...
Не таким ли награду дарует Сам Бог
Там за гробом, за гранью могилы?!»

*Из стихотворения христианского поэта Д. П. Воробьева,
посвященного памяти Ю. Ф. Куксенко. Ноябрь, 2003 г.*

Вместо предисловия

В нашем сердце большое желание прославить Господа и Спасителя Иисуса Христа за пройденный жизненный путь нашего отца в служении Господу и ближним, с полной отдачей до самого конца. Наш отец является для нас примером любви, верности и самоотверженности в служении Богу и людям, стойкости в страданиях, смирения, скромности и терпения. Он не боялся говорить правду, был неподкупен, далек от лести и лицемерия. Никогда не искал выгоды и легкого пути для себя и своей семьи.

По милости Божией, мы, его дети – семеро сыновей и две дочери, а также его верная спутница – супруга Анна Федоровна, разделяли с ним его тернистый путь христианина и служителя Божьего. Он не один год носил на себе черную, жесткую робу заключенного, ходил с обритой головой, ел сухой арестантский паек и тюремную баланду. Наш отец знал, что такое «параша», нары, этапы, конвой, поверки, «горячие» карцеры, ночные допросы, побои, обыски, слежки... Его называли преступником, врагом народа, вредным идеологом баптизма, тунеядцем... Он работал на лесоповалах, земляных и других тяжелых работах. Был лишен крова...

Да и мы, находясь в ссылке в далекой сибирской тайге, узнали о том, что такое казенные бараки с клопами и тараканами. Знали слезы частых расставаний, горечь разлуки, тоскливые долгие ожидания, короткие свидания в тюрьмах и лагерях, «передачки для папы»... Имели трепетные переживания встреч и горячие молитвы к Богу... «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь...» (Матф. 5:11-12).

Но не об этом идет речь в этой книге. Есть в жизни истинных служителей и детей Божиих другие, ранящие душу переживания. Есть другая боль, другие притеснения, слезы, страдания, перенося которые Юрий Федорович Куксенко говорил: «По своей тяжести эти страдания равны сумме всех моих страданий, пережитых мною ранее в моей жизни». И мы это видели! Господь был с ним в этих тяжелых переживаниях, очищал его, переплавлял и утверждал в вере. Его чувства отражались в чудесном гимне, известном в старых христианских песнопениях. Этот гимн, который он нам пел, стал дорог и для нас:

«О, Боже, Боже! Дай мне силы
За ближних душу полагать.
И в сердце вечно, до могилы
Врагам обиды все прощать.

Не дай мне с ложью примириться
В суровой жизненной борьбе,
Но научи меня молиться,
Молиться пламенно Тебе!

Пусть камни в грудь мою бросают,
Не признавая чувств святых,
Пусть ненавидят, проклинаяют –
Я душу положу за них.

О, дай мне сил, Твои заветы
В душе страдающей хранить...»

Читая эту книгу, кто-то может подумать, что в ней излишне откровенно изложены проблемы и напряженность взаимоотношений в среде евангельско-баптистского братства. Но мы должны сказать, что большая часть переживаний и боли остались только с ним, так он и прошел пред Господом оставшуюся часть своей жизни. И даже мы, семья и дети, зная намного больше того, что изложено, понимаем, что нам тоже известно далеко не все то, что он унес с собой. Мы видели, что не только мы, но и немало других служителей, братьев, сестер и наших друзей находилось в подобных переживаниях и притеснениях, и у нас, молодых христиан, «болело сердце» и возникали вопросы, на которые мы находили ответы в Господе, в Его Слове, в общении друг с другом.

Искренне благодарим Бога за этот труд, эту книгу, которая также дала свет, ясность и утешение, ответила на многие наши вопросы в настоящей жизни, помогла определиться в себе, утвердиться на Божьем пути, чтобы хранить себя чистыми, верными Господу во всем и всегда!

Конечно, эта книга дискуссионная, так как затрагивает наши дни и людей, живущих сегодня, – да благословит и простит всех Господь!

Просим не пренебрегать «Предисловием автора» и учитывать все его просьбы и пожелания, особенно в вопросе определения круга читателей.

С любовью, жена, дети Ю. Ф. Куксенко август 2004 г.

Предисловие автора

*«...Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем»
(2 Кор. 6:9-10).*

Меня давно просили дети и многие братья-друзья описать пережитое в свою бытность в Совете Церквей и в работе в Среднеазиатском Совете служителей во второй половине 70-х – начале 80-х годов XX века, но никак не находилось на это времени. Теперь же представилась такая возможность. Настоящий труд является результатом многих встреч и бесед с братьями на различные духовные темы и, особенно, по вопросу разделения в братстве евангельских христиан-баптистов 60-х годов. На бумагу занесены только вопросы брата В. П. Иванова и мои ответы на них.

В самом начале хочу подчеркнуть, что я не писатель и не оратор, не знаю всех премудростей правильного изложения мыслей и выражения их литературным языком. Пусть читатели простят меня за мой ограниченный «русский менталитет» (склад ума), как выражаются современные «братья-богословы». Поэтому не считаю свои взгляды и высказывания непогрешимыми. Я знаю, что современные грамотные братья делают и еще сделают более глубокие и более правильные анализы прошлого, я же мыслю так, как мне Бог положил на сердце. Как и апостол Павел говорит: «Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить» (Фил. 3:16).

Больше всего я старался, насколько мне позволяла память, воспроизводить факты без искажения. Хотя знаю, что многие из них преломлялись и теперь преломляются у братьев Совета Церквей по-другому. Еще нужно признать, что мои ответы на вопросы носят сугубо односторонний характер (пусть и отделенные братья простят меня за это). Они освещают лишь теневую сторону Совета Церквей. И это не потому, что в движении отделения не было ничего хорошего, а потому, что все 40 лет в изданиях Совета Церквей освещалась лишь одна светлая сторона и движение только прославлялось. «Масло» текло и теперь течет через края. Читатели никогда не встречали в литературе Совета Церквей ни одной полоски тени. А яркий свет, как известно, слепит и режет глаза. Серьезные верующие всегда чувствовали, что здесь о чем-то умалчивается. У них возникало (особенно когда смотрели на полную недостатков жизнь отделенных верующих и слышали о новых разделениях среди самого Совета Церквей) много вопросов, ответы на которые они нигде не находили. Данный материал восполняет эти пробелы и отвечает на некоторые из таких вопросов. Он освещает теневую, так сказать, обратную сторону медали. Правду-то надо знать полную, такой, какая она есть, потому что полуправда, как говорят, хуже неправды.

Предлагаемый материал достаточно откровенен. В нем упоминаются личные имена еще живых работников Совета Церквей и многие – не в положительном свете. Современные писатели и читатели не привыкли к такому языку. Им нравятся гладко обтекаемые формы мыслей и выражений, чтобы не задевать острые углы. Хотя Библия не подчиняется этим заумным законам и нелюбезно называет не псевдонимы, а настоящие имена даже таких праведных мужей, впадавших в различные согрешения, как Давид, Соломон и др. Апостол Павел, например, предупреждал Тимофея и других: «Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его! Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам» (2 Тим. 4:14-15). Поэтому считаю, что, во-первых, этот материал будет полезным для моих взрослых детей, членов Церкви, как память. Пусть знают, какую борьбу выдерживал и каким путем

унижения шел их отец и дедушка. Во-вторых, пусть читают его «униженные и оскорбленные» братья-друзья для утешения и ободрения, которые переживали от своих братьев подобное и которых судьба поразбросала по всему свету. В-третьих, если уж невозможно будет удержать, то пусть читают его те работники на ниве Божией, которые болеют за единство детей Божиих, а может быть, уже и пострадали от людей, производящих разделения. В том или ином случае, я очень хотел бы, чтобы этот труд не попадал в руки новообращенных, молодых и неутвержденных верующих. Он не принесет им пользы. Было же и у апостолов нечто «неудобовразумительное» в их посланиях, что не-утвержденные люди использовали для себя и для других во вред, как и прочие Писания (2 Петр. 3:16).

Еще просил бы братьев не расчленять и не выдергивать отдельные главы или выражения из общего контекста и не нарушать целостности книги. Будет непонятен смысл. И тем более, чтобы не искажали написанное, на что очень горазды сегодня многие издатели. Примером этому могут служить многие измученные гимны нашего братства, которые церкви пели сто лет и которые не понравились кому-то. Они искажены и отпечатаны безответственными людьми в современных изданиях так, что некоторые невозможно стало и петь. Начало этому было положено при издании «Сборника духовных песен» ВСЕХБ в 1956 году. На них лежит печать опасения, чтобы не подумали о нас что-либо плохого уполномоченные и КГБ. Заменены или выброшены важные по смыслу слова и вставлены совсем не выражающие мысли автора фразы. Совет Церквей перенес все это без исправления в «Песнь Возрождения». Для них не существует никаких законов, защищающих права авторов.

При всем этом я учитываю, какой шквал яростных нападок вызовет этот труд со стороны ревнителей Совета Церквей. Но мне к этому не привыкать. Бог дал мне принять против этого нужные «вакцины» еще 20 лет назад, как и написано: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди, и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого... Так поступали с пророками отцы их» (Луки 6:22-23).

Пусть никто не думает, что сегодняшние взгляды мои, выраженные в ответах, порождены обидой. Может быть, в самом начале и была какая-то тень, но вскоре все переплавилось, перегорело. Иначе я не мог бы нести ответственное служение. По большинству вопросов, это взгляды старого братства, основанные на Слове Божиим, от которых мы отошли в борьбе со ВСЕХБ и КГБ, и сошли на созданную самими же неевангельскую основу. Для того чтобы свести с нее, Богу потребовалось сильными и болезненными ударами выбить меня из колеи Совета Церквей, освободить от рабства тоталитарной власти и в течение 20 лет изгнания возвращать на евангельский путь. Нужно было помолчать все эти годы и хорошо взвесить все пережитое, понять себя и других. Я благодарю Бога за это. Известно, что для того, чтобы лучше рассмотреть художественную картину, иногда нужно отойти от нее на расстояние. Бог дал мне такую возможность.

Ю. Ф. Куксенко, г. Джамбул, январь 2002 г.

Часть первая. Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) и раскол

Беседа первая

Юрий Федорович, расскажите, пожалуйста, кратко о себе.

– Родился я в 1930 году в Новосибирске, в семье верующих родителей. Отец мой Федор Пименович был работником Сибирского Союза баптистов. Последний раз был арестован в 1937 году и в числе 18 братьев расстрелян за Слово Божие. Моя мать Римма Алексеевна 40 лет оставалась вдовой и в 1977 году с миром отошла к Господу.

Обратился я к Богу в 1944-м, а принял крещение в 1946 году в Алма-Ате. Смолоду проповедовал, был регентом, занимался с молодежью. Много радости и благословения переживали мы как в молитвенном доме, так и вне его стен, росли, трудились и с дружным пением: «Пусть нас постигнут гонения, смерть за Христа не страшна!» мы не боялись идти и в далекую, холодную Сибирь на многие годы.

С первых дней моего уверования у меня не было более возвышенного и более горячего желания, как идти по следам отца, которого я неплохо помнил, и о котором так много рассказывали мне мои родные и многочисленные верующие, рассеянные по всей Сибири и Средней Азии. Его я ставил себе и другим в пример, по нему старался строить свою жизнь, с ним в трудные минуты я как бы советовался и спрашивал себя: а как на моем месте поступил бы мой отец? И Господь всегда нежно отвечал моему сердцу и указывал верный путь. Я очень счастлив, что имел таких прекрасных родителей, которые оставили в моей душе неизгладимый светлый след.

В становлении моего духовного человека большую роль сыграла оставшаяся от отца богатая библиотека духовной литературы, которую я с детства жадно поглощал, а также большой семейный альбом с братскими фотографиями. В нем я видел отца рядом с известными тружениками Союза баптистов. Как сейчас вижу снимок 1923 года, на котором сфотографированы курсанты Московских библейских курсов, которыми руководил известный пионер русского Братства баптистов В. Г. Павлов. На других снимках я видел отца с Н. В. Одинцовым, М. Д. Тимошенко, В. П. Степановым, А. С. Ананьиним и многими другими работниками братства, а также на снимках сибирских пленумов и съездов, среди членов общин, в которых отец работал. Это вдохновляло меня, помогало с ранних лет впитывать в себя любовь к Богу и братству, непреодолимое желание жить, трудиться и умереть так, как страдали и умирали наши братья и отцы.

Нельзя не отдать должное доброму влиянию на меня доживших до 40-50-х годов братьев старого Союза баптистов, пронесших верность Богу сквозь адские муки сталинских тюрем и лагерей Г. П. Колотия, Т. В. Лукина, Н.Д. и А. Д. Тихоновых, И. З. Первака, братьев П.Т. и И. Т. Наконечных, С. Т. Тимченко, В. Ф. Кузнецова, П. И. Чекмарева и др. Они были для меня светильниками, горящими и светящими, духовными отцами и наставниками. Имена их свято хранит моя память. Всем лучшим я обязан им.

Благословил нас Бог и в семейной жизни. Мы прожили с Анной Федоровной 45 лет. Много перестрадала и перенесла она ради Господа. Имеем девять детей, восемь из них члены церкви, служители, проповедники. Внукам не знаем счета.

В настоящее время трудимся во вновь образованной церкви совершенно из мира. Построили молитвенный дом, имеем хор, много детей. Работаем в зонах, в селах, благотвори-

рим среди малоимущего населения, бесплатно распространяем духовную литературу. Каются души, крестим, ведем духовно-воспитательную работу среди членов церкви. Есть и немало проблем. Но за все слава нашему Господу.

Когда и сколько вы пробыли в заключении?

– При Сталине, Хрущеве и Брежневe. Всего пробыл в неволе сравнительно немного: двенадцать с половиной лет.

Мы слышали, что вы состояли в братстве Совета Церквей?

– Да, полностью я присоединился к Совету Церквей в 1965 году, после моего освобождения. Хотя борьбу мы вели с уполномоченными и КГБ, против их вмешательства в жизнь церквей и страдали за это раньше, с 1957 года. Инициативная же группа образовалась позже, в 1961 году, когда я был уже в узах. Мне писали об этом, присылали первые послания Инициативной группы как к Президиуму ВСЕХБ, так и ко всем церквам евангельских христиан-баптистов. Я читал их. С одной стороны, я радовался, что начатое нами в одиночку дело не умирает, а принимает организованный характер, а, с другой стороны, меня в этих посланиях что-то настораживало.

Что именно вас настораживало?

– В послании к Президиуму ВСЕХБ меня поражал грубый тон, в котором написано было это обращение. Это было не братское увещание, в котором должна была быть «любовь от чистого сердца», как написано, а обвинительная речь на суде с угрозой и с заранее вынесенным приговором. Таким языком не диалог с братьями ведут, а предъявляют ультиматум побежденному и не сдающемуся врагу. Это напоминало Петра с мечом, отрубаящим ухо рабу. В посланиях же ко всем церквам евангельских христиан-баптистов в СССР раскрывалась нагота ВСЕХБ перед духовными младенцами церквей и перед всем миром. Открывать, как я понимал в то время, нужно было отступление ВСЕХБ, но не так, как делал это средний сын Ноя. Мы, например, боролись в Казани с уполномоченными и КГБ, но не воевали с самими братьями ВСЕХБ. Не ставили знак равенства между теми и другими. Одни были палачами, а другие – их жертвами. Работники ВСЕХБ, хотя и оказались в сетях страха и утратили веру во всемогущество Божие, всё-таки являлись нашими братьями и, более того, – служителями. Давид же не поднимал руки своей на помазанника Божия – Саула! Поэтому мы и говорили с ними как с братьями и наши взаимоотношения не выносили на суд миру. Разделение в Казани мы рассматривали как временное явление, когда нам, буквально изгнанным, ничего не оставалось делать, как собираться отдельно. Мы писали письма во ВСЕХБ, собирали подписи, сами ездили в Москву, чего-то добивались, но и видели, что от ВСЕХБ мало что зависело. Они были совершенно бессильны и бесправны. Здесь действовала иная, могущественная система подавления, сломать которую ни они, ни мы и никто другой в то время был не в силах. Нам, братьям, оставалось только пытаться не уходить далеко друг от друга, не ставить точку на отделении, держать сердца для диалога открытыми, молиться и верить, что скоро взойдет желанное солнце свободы, и тогда лед, который на реке среди зимы не тронешь никакими усилиями, сам тронется, и его уже не остановишь. Будут созываться съезды, братья осознают свои ошибки, и все станет на свое место. Ведь есть же Господь? А братство евангельских христиан-баптистов должно быть единым. Я был так воспитан.

Вот с такими, может быть, по-детски наивными убеждениями, читал я первые послания Инициативной группы, в которых явно просматривался курс на разделение. Мы пережили в

Казани страшную трагедию разделения, и я боялся, что такая разруха пойдет по всем церквям, что, собственно говоря, вскоре и случилось. Поэтому, естественно, я не мог полностью разделять и поддерживать это новое движение.

Однако в 1965 году, как вы сказали, вы полностью согласились с курсом Совета Церквей и активно включились в его работу?

– Согласился, но не совсем. Движение Инициативной группы к тому времени стабилизировалось и приняло окончательную форму Совета Церквей евангельских христиан-баптистов и мне пришлось вписываться в его работу. Сохраняя, разумеется, за собой право оставаться самим собою и жить не коллективным, чужим, а своим умом и иметь по всем вопросам собственные, независимые от других суждения. Это создавало в работе немалые трудности, как для меня, так и для других.

Что больше всего расположило вас к Совету Церквей?

– Прежде всего, сам смысл и цель этого движения – духовное пробуждение народа Божия и отделение от мира, в чем так нуждались все общины. Во-вторых, это мужество и жертвенность братьев, готовность идти за дело Божие на любые лишения. Они первые за всю историю советского государства смело и громко на весь мир заявили о себе: мы – не рабы и Церковь Иисуса Христа – не служанка у господ этого мира. Конечно, за все это братьям пришлось дорого платить, и они платили свободой, семьями и жизнью. Такую жертвенность я видел только в братьях старого Союза баптистов в 1930-е годы и в своем отце. Когда его последний раз вызывали в Новосибирский НКВД и продержали там всю ночь, склоняя «навести порядок в своей общине», т. е. удалить из хора молодежь, запретить детям посещать собрания, отстранить некоторых проповедников от проповеди и т. д. Иначе, говорили они, пеняй на себя, мы тебя последний раз предупреждаем. Кто будет кормить твоих детей? Тогда отец ответил им:

– Молодежь в хоре вам не мешает. Это – наше будущее. Дети ходят на собрание с родителями, и я не имею права запретить им. Проповедников поставил на проповедь не я, а Господь, и ни мне отстранять их. Что касается моих детей, то и о них прошу не беспокоиться. У них есть Отец на небесах, и Он лучше меня прокормит и воспитает их. Я Ему вполне доверяю. Я – раб Христа. Если Господин мой пожелает переселить раба Своего в другое место, то кто я, чтобы возражать Ему? Имеет ли раб на это право? Не должен ли он сказать: да будет воля Твоя?

– Эх, Федя, Федя! Тебе добра желаешь, а ты? Ну, теперь держись...

– Прошу не угрожать мне. Я готов хоть сейчас! Вот, на мне тужурка! – ответил отец.

Подобное мужество и доверие Богу я увидел и в братьях Совета Церквей, что вполне отвечало моим убеждениям и настрою с детства. Это вдохновило меня на совместный с ними труд и на последующие тяжелые узы.

И все же в дальнейшем ваши пути с Советом Церквей разошлись? Были на это какие-то серьезные причины?

– Всякое, даже самое живое и самое глубокое реформаторское движение в народе Божием, как показала история средних веков (на примере анабаптизма и других протестантских течений), само нуждается в постоянном реформировании и проверке – не отступает ли оно от Слова Божия и от тех первоначальных принципов, которые были положены в основание этого движения. В противном случае, движение будет костенеть и принимать такие уродливые формы, что от него начнут отходить многие трезво мыслящие души и откалываться целые слои боящихся Бога людей.

Что касается мужества и жертвенности братьев Совета Церквей, то скажу, что, к сожалению, какими бы великими и драгоценными эти качества в нас не были, сами по себе они еще ничего не решают, если не будут вдохновляемы настоящей любовью Христовой.

А разве жертвенность и готовность умереть за других не свидетельствуют о пребывании в сердце любви Христовой? Ведь Сам Иисус сказал: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15:13)?

– Видите ли, жертвенность не всегда измеряется любовью, а любовь – жертвенностью. Апостол Павел говорил: «Если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:3).

Помню, когда-то читал, как Петр I, проводя реформы, посылал своих опричников в отдаленные уголки России приобщать к культурной жизни староверов. Некоторые раскольники, узнав об этом, заколачивали себя и семьи свои в срубы и поджигали их. Опричники слышали доносившиеся до них сквозь пламя ругательства и проклятия. На празднике 130-летнего юбилея братства евангельских христиан-баптистов к нам на кафедру поступила записка от молодых, недавно принявших крещение членов. Они спрашивали: «Объясните причину разделения и покажите, в чем состоит наша вина? Почему отделенные нас так ненавидят?»

Нас часто спрашивают, почему нелюбовь отделенных братьев и сестер нам приходится испытывать на себе до сих пор? При встречах с ними ни у кого из них не увидишь светлого взгляда, не услышишь в ответ братского приветствия, а если и услышишь, то лишь «здравствуйте». Особенно со стороны руководителей. Как будто они проходят специальную школу. При посещении нашими верующими их собраний (мы своим членам этого не запрещаем, а их члены у нас не бывают), они всячески дают понять, что мы для них не родные и что у них Церковь Христова, а мы идем в погибель.

Считается, что если отделенные братья много страдали, то страдания эти должны бы смирять сердца, наполнять их любовью Христовой. Если же страдания, наоборот, надмевают и ожесточают сердце, то угодны ли такие страдания Богу?

– Такие небратские, а порой и нехристианские отношения отделенных к верующим евангельским христианам-баптистам зарегистрированных общин объясняются, во-первых, их неспособностью видеть те коренные изменения, которые произошли в официальных общинах за последние десятилетия. Не стоит смотреть на них «вчера глазами» и измерять их мерками 60-х годов. Христос говорил, что мы должны иметь «чистое око» (Матф. 6:22), а апостол Павел добавил: око наше не должно быть засорено «предубеждением и пристрастием» (1 Тим. 5:21). Предубеждение и пристрастие – это злейшие враги правды, в плену которых мы часто оказываемся, и от них так трудно бывает освободиться.

Во-вторых, здесь сказывается культурный уровень отделенных братьев и то, что все мы вышли «из низов». Вы говорите, что отделенные братья много страдали, поэтому должны бы глубже смиряться и исполняться любовью? Да, но страдания очищают и укрепляют нашу веру. Любовь же Христова изливается в сердца наши Духом Святым, Которого мы получаем не в страданиях и испытаниях, а «через наставление в вере» (Гал. 3:2). Так вот этого-то наставления в вере, т. е. настоящего духовного воспитания в церквях, какое было в 20-е годы XX века, многие из нас и не получили. Мы вышли, как правило, из неблагополучных церквей с «палочным» воспитанием и не научились элементарным правилам культурного обхождения с другими, о чем говорит хотя бы грубый и немирный выход многих из нас из зарегистрированных общин. Большинство руководящих братьев Совета Церквей уверовали в «военные» 40-е, 50-е и 60-е годы, когда атеизм вел ожесточенное наступление на церкви евангельских христиан-баптистов,

а руководство в центре и на местах повсеместно отступало. Тогда вступали в бой молодые, ревностные братья и начинали войну со старшими и местными пресвитерами, членами исполнительных органов и «двадцаток». Настоящие враги Церкви им были недоступны, они сидели в Кремле, а братья – всегда под боком. И вели войну грубо, неумело, как научила их мирская жизнь-матушка. Христианской этике обращения с инакомыслящими братьями им не у кого, да и некогда было учиться, только родились – и в бой. А потом пошли узы, одни за другими, с небольшими перерывами на свободе. А в заключении, известно, какой культуре учат.

Так начиналась и проходила наша «военная» жизнь в 60-е и 70-е годы, а затем волна вынесла нас на руководящие должности и мы, будучи сами невеждами, порождали целые поколения подобных себе последователей. На войне, как известно, многие солдаты жертвовали собой, часто не имея в себе других более высоких моральных качеств, получали ордена, героев. После войны, если таковые оставались в живых, нередко не знали, что с ними делать. Они приносили с фронта войну домой и продолжали ее в своих семьях и других сферах совсем невоенной жизни. Тогда их снова сажали за решетку. Не могли перестроиться. Такова наша испорченная человеческая природа, что на войне с оружием в руках люди охотней делаются героями, нежели в мирной созидательной жизни. Петр, ученик Христа, тоже готов был умереть за своего Учителя, но только с мечом в руках. Когда же Господь повелел ему разоружиться, Петр сник и утратился даже старой рабыни. «Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города» (Прит. 16:32). Поэтому Господь и не доверил воинственному Давиду строить Свой храм. Здесь нужен был сугубо мирный человек, не проливший много крови.

Годы войны со ВСЕХБ, с уполномоченными и КГБ породили в нас непримиримый дух войны, мы сделались совершенно неспособными к мирной созидательной жизни, к забвению того, что нас когда-то разделило. Мы были готовы снова и снова поднимать все старое, выискивать новые причины для оправдания противостояния, возводить непроходимые барьеры, тогда как причина была в нас самих – мы не могли уже жить без войны. Она была нашей стихией.

На последнем съезде Совета Церквей делегат Х. оправдывал 40-летнее нахождение бесценного председателя на главной руководящей должности (и свое тоже) ссылкой на «военное время» и многолетнее президентство Рузвельта (подходящее сравнение, ничего не скажешь!). Только никто ему там не подсказал (уже некому было), что в порядочных странах военные люди в правительстве долго не задерживаются. Иначе они и в мирное время будут военизировать страну, находить себе врагов и воевать с ними. Наша страна в 20-30-е годы репрессий – хороший пример для этого.

Во время войны недалеко от нас был полигон, где обучали новобранцев штыковому бою. Мы, мальчишки, бегали смотреть эти занятия. Там не было настоящих врагов, командиры делали для солдат соломенных «фрицев», обтягивали мешковиной, рисовали рот, нос, глаза и заставляли солдат кричать «ура» и колоть их штыками. Мы тоже бегали за ними и кричали «ура» и радовались «победе». Сатана, зная нашу любовь к войне, в течение 40 лет готовил для нас «соломенные чучела», такие как «военный вопрос», «греховная регистрация», «предательская оппозиция», «азиатская болезнь» и Бог знает, что еще... Сатана до сих пор придумывает причины для вражды. Использует в примитивном понимании такие библейские истины, как очищение и освящение, широкий и узкий путь и многое другое. Лишь бы будоражить сознание верующих, сталкивать их друг с другом, отнимать у них драгоценное время и отвлекать от борьбы с настоящим врагом, который внутри нас, – мы сами, наша гордость. Сколько времени, сколько сил и средств было угроблено и теперь гробится на пустое неевангельское дело! Сколько разбитых сердец, сколько судеб, разрушенных семей, церковью оставили на дорогах войны наши братья-солдаты, знает лишь один Господь!

Синдром войны опасен еще тем, что и в мирное время не дает покоя страдающему этой болезнью. После войны лежал у нас в лагерном бараке один такой командир, который учил

молодых солдат рукопашному бою. По ночам верхние нары тряслись: кого-то он «отражал», спать было невозможно. На воле он принял за врага свою жену: ему казалось, что на него кто-то «нападал». Мания преследования – опасное заболевание.

В Чимкенте в 50-х годах из-за «военного вопроса» разделилась община евангельских христиан-баптистов. Человек девяносто молодых братьев и сестер, противников взятия оружия, отделились и стали собираться по домам. Двадцать пять лет (этому я свидетель) они воевали друг с другом, не уступая один другому. Вот уж действительно, сеющий ветер пожнет бурю. Бессчетное количество раз приезжали служители из разных городов, в том числе и я, мирить их, – и все бесполезно. Пока не превратились в жалкую кучку дряхлых стариков на посмешище миру. Так и уходили один за другим в мир иной по-настоящему не примиренными ни друг с другом, ни с церковью.

Вспоминаю пример, рассказанный М. И. Хоревым: «Прихожу я в одну верующую семью. Дети были дома одни и играли в войну. На полу лежало много всякого оружия. Я сказал им: давайте играть в разоружение. Сложили в кучу пушки, танки и с большим усердием стали разбивать вдребезги. После этого я достал им детские христианские книжки, и мы стали играть в собрание». Как многим братьям хотелось бы сказать словами Христа, обращенными к Петру: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут...» (Матф. 26:52).

Сегодня призрак Корея, Дафана и Авирона, выражаясь словами Н. П. Храпова, дух разделения и вражды, властно бродит по церквям и создает различные группировки. Он создает «образ врага» из брата или сестры, из пресвитера или целого союза и истощает духовные силы верующих. Отвлекает их от самого существенного: стремления к подлинно святой и богоугодной жизни во Христе и проповеди Евангелия всему миру. В результате страдает Церковь, рвется на части и истекает кровью Тело Христа, претыкаются и гибнут души. Кто-то за все это жестоко ответит.

Беседа вторая

В чем заключались истинные причины разделения братства евангельских христиан-баптистов в 60-х годах XX века?

– Первой причиной разделения являлась непримиримая война власть имущего атеизма с религией и Церковью. Она велась в трех главных направлениях:

1. Идеологически, посредством антирелигиозной пропаганды. Государство отпускало на это баснословные средства для подготовки бесчисленной армии пропагандистов, массы всевозможных мероприятий. Этому служили все школы и вузы, печать, радио, кино, телевидение, использовались клубы, лектории, дома просвещения, устраивались вечера вопросов и ответов, специальные мероприятия на производствах и многое другое. Большого урона от этой пропаганды наше братство не понесло, если не считать отравления детей в школах теорией дарвинизма. Безбожная пропаганда страшна не для живой веры детей Божиих, а для суеверия и прочих религиозных предрассудков людей. Идеологическая война велась с первых и до последних лет существования Советской власти, но пик ее приходился на 50-70-е годы XX века.

2. Физически, путем репрессий. В этом направлении безбожие использовало весь арсенал насильственной системы подавления, начиная от увольнения с работы и отчисления из вузов и кончая постановлениями троек и приговорами к высшей мере наказания – расстрелу. Все правоохранительные органы – милиция, прокуратуры и суды, министерство юстиции, МВД, тюрьмы, лагеря, места ссылок, а также министерство образования, школьные и общественные организации, горисполкомы, райкомы, горкомы, обкомы и ЦК компартии – все было вооружено и поставлено на физически-насильственную борьбу власть имущего атеизма с религией. История человечества еще не знала ничего подобного этой чудовищной карательно-истребительной машине ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ и ее огромного размаха борьбы с религией. Сотни тысяч верующих людей разных деноминаций были поглощены этим бесчеловечным чудовищем. Слезы и кровь лились рекой, особенно в злое 30-е годы, не говоря уже о том, сколько вообще погибло невинных людей в его голодной утробе.

3. Политически, с целью проникновения в среду церковных организаций, вступления в союз с их руководителями и подчинения их своей воле, дабы подрывать церковь их руками изнутри. Это самый коварный и опасный для верующих метод сатаны обкрадывать их, когда и двери на замке, и окна целы, и сторож не спит, а дом пуст. Как сказал Христос: «Вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой» (Лука 12:39).

Такая скрытная война имела целью уже не физическое уничтожение церкви (это придет само собой), а ссору и разделение верующих. Сатана хорошо знал слова Христа: «...Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Матф. 12:25).

И действительно, зачем государству тратить астрономические суммы на безбожную пропаганду; зачем будоражить и настраивать против себя мировое общественное мнение гонениями на верующих в СССР, когда сами верующие могут своими руками разрушать дом свой и притом бесплатно? Такую тайную войну с церковью Советы вели с первых дней своего прихода к власти, генеральное же наступление они повели только в середине 50-х годов, когда на горизонте уже замелькали очертания «светлого будущего всего человечества» и в Программе коммунистической партии появился тезис: «В ближайшие годы покончить с организованной религией». Это признал в беседе с братьями в 1961 году генеральный секретарь ВСЕХБ А. В. Карев, когда заявил: «Нас разделила с вами советская власть».

Хотелось бы знать, как Советы вели войну с религией в 20-е годы?

– В начале 20-х годов XX века Советы подбросили православию, не признавшему советскую власть, «яблоко раздора» в виде изъятия церковных ценностей из храмов и монастырей в «пользу голодающих». В застенках сломали патриарха всея Руси Тихона. В результате православие разделилось на «тихоновцев», «обновленцев» и другие, враждующие между собою группировки, которые доносили в ЧК друг на друга. Это помогло Ленину развязать страшнейший террор, унесший десятки тысяч жизней духовенства, монахов и монахинь под лозунгом: «Чем больше расстреляем попов, тем лучше для нас». Разрушались храмы, монастыри, осквернялись святыни...

Руководству союзов евангельских христиан-баптистов советы предложили «военный вопрос». Дело в том, что в царское время баптисты свободно смотрели на воинскую службу – как на свой гражданский долг. Революция же и, особенно, братоубийственная гражданская война заставили многих братьев пересмотреть отношение к воинской службе и пойти на отказ от оружия. Так появилась на съездах евангельских христиан и баптистов резолюция по военному вопросу: «Поступать согласно своим религиозным убеждениям». Этому содействовал изданный в 1919 году Декрет В. И. Ленина об освобождении верующих от воинской службы по религиозным убеждениям. После смерти Ленина новые власти стали рассуждать: если баптисты в царское время могли идти на войну и защищать Родину, то почему они отказываются это делать при советской власти? Значит они враги советской власти? Поэтому Советы предложили руководителям союзов евангельских христиан и баптистов (под страхом закрытия этих союзов и общин) ясно высказаться по военному вопросу на своих съездах и принять соответствующие резолюции.

Итак, братья И. С. Проханов и И. А. Голяев со своими помощниками встали перед тяжелым выбором. Если оставаться на прежних позициях, т. е. придерживаться старой резолюции: «Поступать согласно своим религиозным убеждениям», – иначе говоря, не признавать всеобщую воинскую повинность, – тогда надо с клеймом врагов народа идти в «катакомбы» со всеми вытекающими отсюда горестными последствиями. У большевиков не дрогнет рука расправиться с сектантами так, как они расправились с православием. Если же принять новую резолюцию: «Служить наравне со всеми гражданами», тогда в братстве неминуемо произойдет раскол, так как многие видные работники в центре и на местах и даже целые объединения твердо стояли на позициях отказа от оружия. Безбожие в обоих случаях выигрывает: хоть разгром, хоть раскол. Но раскол для него лучше. Разгромить они всегда успеют, 30-е годы не за горами... А сейчас нужно сохранить фасад видимой свободы для признания молодой советской республики капиталистическими странами.

В этом направлении начала усиленно работать Лубянка (ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление и внутренняя тюрьма на Лубянской площади в Москве) и такое же заведение на Гороховской и Шпалерной улицах в Ленинграде. Эти органы вызывали в свои апартаменты руководителей обоих союзов и давили на них. Кто понял «неблагоприятно сложившуюся к тому времени обстановку», тот созывал пленумы, съезды и принимал резолюцию: «Служить наравне со всеми гражданами». Кто не понял, тот освобождался от председательского поста (И. А. Голяев) или переходил в другие здания – с решетками на окнах и следовал дальше в Туруханский край или на Соловки (М. Д. Тимошенко, И. Н. Шилов, А. П. Петров и др.). Так, все руководство Северного Союза баптистов во главе с председателем И. Н. Шиловым и его заместителем, пресвитером центральной общины «Дома Евангелия» в Ленинграде А. П. Петровым, не было допущено на 26-й съезд баптистов в 1926 году. Их арестовали и освободили на короткое время после окончания работы этого съезда (журнал «Сеятель Истины», «Воспоминания изгнанного за веру». Варшава, 1933).

Но к славе нашего Господа и к чести великого братства евангельских христиан и баптистов, не произошло ни разгрома, ни раскола. Те делегаты съездов, которые стояли на позиции отказа от оружия, при голосовании за резолюцию «Служить наравне со всеми гражданами» оставались при своем особом мнении или присоединялись к большинству голосов, не создавая проблем. Так же и братья, которые проводили свой «съезд» в тюрьме, имели мудрость и любовь к братству и не пошли на раскол. Таким образом, руководители обоих союзов проявили мудрость в сложной политической обстановке и сохранили возможность официально существовать, свободно проводить собрания и проповедовать Евангелие еще некоторые годы. Атеизм потерпел поражение.

Но безбожие оказалось не из тех, кто при первой неудаче складывает свое оружие. Вскоре после съездов 1926 года в газетах стали публиковаться порочащие евангельских христиан и баптистов статьи, стали выходить ведомственные и правительственные циркуляры. В 1929 году на съезде воинствующих безбожников была принята резолюция: «Религиозные организации, в лице их верхушек, проповедников и активистов, являются политической агентурой и военно-шпионскими организациями международной буржуазии». К ним причислили и евангельских христиан-баптистов. В апреле того же года вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных организациях» (в дальнейшем – законодательство о религиозных культурах), резко ограничивающее свободу совести верующих и в Центре и на местах, сводящее на нет живую духовную деятельность.

Власти прекрасно понимали всю неприемлемость верующими этого законодательства, но они и готовили его как главное орудие в борьбе с религией. Для одних верующих это законодательство послужит путем к отступлению, а для других – уголовной статьей. Для тех и других – «яблоком раздора», разделения. Тот же православный вариант с изъятием не только материальных ценностей (молитвенных домов и пр.), но и духовных богатств – мира, любви и единства детей Божиих.

Руководство обоих союзов евангельских христиан и баптистов в лице И. С. Проханова и Н. В. Одинцова к тому времени сделалось нетерпимым в глазах властей. «Последней каплей» в чаше их терпения явилось участие братьев в IV конгрессе Всемирного Союза баптистов в Торонто (Канада) в 1928 году. Некоторые делегаты конгресса, например, И. С. Проханов и Я. Я. Винс, чувствуя надвигающиеся гонения в России, не вернулись из-за границы.

С начала 1929 года власти стали закрывать и конфисковывать издательства и библейские курсы, отнимать молитвенные дома, арестовывать видных работников союзов. В первую очередь, пострадали братья – участники конгресса: секретарь Федеративного Союза баптистов П. В. Иванов-Клышников, А. М. Букреев, Ф. Г. Патковский и др. В обстановке усиливающихся репрессий оба союза евангельских христиан и баптистов в 1930 году прекратили свою работу. В 1931 году они получили разрешение на возобновление своей деятельности, но в соответствии с новым законодательством о культурах и при условии введения в руководство новых людей.

Союзу баптистов было разрешено провести расширенный пленум 7 января 1931 года в Москве. Председатель союза Н. В. Одинцов разослал ответственным работникам в регионах приглашение на пленум. Однако сотрудники органов ГПУ на местах вызывали приглашенных братьев в свои кабинеты, выясняли их отношение к Н. В. Одинцову, склоняли к его переизбранию. Неподдающихся обработке делегатов арестовывали и судили или же просто не давали возможности выехать в Москву. Так началось грубое, неприкрытое вмешательство властей в жизнь союзов и общин евангельских христиан и баптистов.

Десятого декабря 1930 года в Новосибирск пришло приглашение на пленум председателю Сибирского Союза баптистов А. С. Ананьину. Обычно от Сибири ездили на пленумы он и Ф. Г. Патковский. Но Патковский был уже арестован и осужден на четыре года, и Александр Спиридонович предложил поехать с ним моему отцу, который нес в то время служение секретаря Союза.

Пятнадцатого декабря вызывают А. С. Ананьина в Новосибирский ГПУ, узнают с кем и когда он едет на пленум, а 18 декабря А. С. Ананьин и мой отец были арестованы и осуждены: первый – на десять лет, второй – на три года. Так ГПУ поступило и со многими другими делегатами пленума. Председателю Дальневосточного Союза баптистов П. Я. Винсу дали возможность приехать в Москву и там накануне открытия пленума арестовали и осудили на три года. («Тропою верности» Г. П. Винса).

Двадцатого декабря того же года в Новосибирск заехал из Омска союзный благовестник С. П. Макаров-Фадюхин. Он должен был устно познакомить братьев с повесткой дня пленума и вместе с ними отправиться в Москву. Узнав об аресте Ананьина и Куксенко, он пошел в ГПУ выяснить недоразумение. Его встретили с большой радостью: «Сергей Петрович Макаров, ой, как хорошо! А мы хотели посылать на вас розыск. Проходите сюда! Вот вам ордер на арест». (Его воспоминания об А. С. Ананьине и Ф. П. Куксенко в нашей семье в г. Казани в 1980 году).

Однако, по милости Божией, пленум Союза баптистов прошел не так, как планировали враги. Председателем снова был избран Н. В. Одинцов, его помощниками – старые и испытанные труженики братства М. Д. Тимошенко и П. Я. Дацко, членами Совета – В. П. Степанов и др. Были введены и новые члены: В. И. Колесников с Северного Кавказа и И. И. Бондаренко из Самары. Возможно, на них и ориентировались органы, когда добивались переизбрания Н. В. Одинцова, но я не нахожу в исторических материалах достаточных оснований для подтверждения этого. Тем более, что они сами получили большие сроки заключения и погибли в ежовских застенках.

Итак, после очередной неудачи заменить руководство Союза баптистов, посеять между братьями недоверие и вражду органам ОГПУ не оставалось ничего иного, как разрушать дело Божие своими руками. В том же 1931 году арестовали М. Д. Тимошенко, 1933 году – Н. В. Одинцова, 1934-м – П. Я. Дацко и В. П. Степанова, 1935-м – В. И. Колесникова и И. И. Бондаренко, и Союз баптистов закрыли.

А что вы можете сказать о Союзе евангельских христиан и его новом председателе Я. И. Жидкове? Они также подвергались гонениям?

– Союзу евангельских христиан также было разрешено провести расширенное совещание в августе 1931 года. Не знаю, склоняли ГПУ делегатов к переизбранию Я. И. Жидкова или не склоняли, но известно, что в 1930 году в Новосибирске прошли аресты не только в общине баптистов, но и в общине евангельских христиан. Был арестован пресвитер М. А. Орлов и еще двое проповедников, в частности, брат Голубь. Он был участником экспедиции вместе с И. С. Прохановым в деле подыскания места для строительства города Солнца в районе устья рек Бим и Катунь на Алтае в 1927 году. Все трое проходили по одному делу с пресвитером Орловым и сидели в разных камерах. Двое братьев были осуждены каждый на три года лагерей, а пресвитер М. А. Орлов был направлен с семьей в Москву для «продолжения учебы сына Ильи в институте и работы Михаила Акимовича во Всесоюзном Совете евангельских христиан» (свидетельство луганского благовестника брата Голубя при встрече с ним в г. Шахты в 1979 году).

Когда я знакомился с уголовным делом А. С. Ананьина и моего отца – Ф. П. Куксенко, осужденных в начале 1931 года, то читал показания на них пресвитера евангельской общины М. И. Орлова, где он говорил так: «Ананьин не скрывал своей ненависти к советской власти. Он не сказал ни одной проповеди, чтобы не поносить ее. Он еще в начале 20-х годов сидел в Омской тюрьме за свою деятельность и теперь мстит за это...» Его помощник Ф. Р. Астахов говорил на допросе почти то же самое. Однако, знакомясь с уголовным делом А. С. Ананьина и моего отца, я не нашел ни одного факта, который подтверждал бы эти ложные показания, в чем именно проявлялась их ненависть и месть к советской власти. Разве только в том, что

они зачитывали на собраниях письма заключенных и ссыльных братьев за Слово Божие с описанием ужасных условий голода, в которых они находились, и предлагали членам Новосибирской церкви собирать средства, кто сколько сможет, и посылать им помощь. Да еще Александр Спиридонович дважды изгонял бесов из несчастных женщин.

Итак, М. А. Орлов прощается в 1931 году с Новосибирской общиной и едет с семьей в Москву. Участвует в августе в расширенном совещании Всесоюзного Совета евангельских христиан и входит в его президиум. Основной задачей расширенного совещания ВСЕХ была разработка новых условий работы с учетом требований законодательства о религиозных культурах от 1929 года и введение в состав руководства новых членов. Это было похоже на примерку уродливо сшитого костюма-маломерки на великана. «Великан» мучился, натягивая костюм на себя, пригибался, сжимался, – давило со всех сторон! Костюм трещал по швам, но так и пришлось «доходить» Союзу евангельских христиан, а вернее тому, что осталось от Союза, так как поголовные аресты не оставили от него почти ничего. В 1938 году был арестован, осужден на восемь лет и сослан в Магадан председатель Всесоюзного Совета евангельских христиан Я. И. Жидков. Его место занял присланный из Новосибирска М. А. Орлов.

За что и как судили Я. И. Жидкова в Москве?

– Эта история имеет интересную предысторию. Когда я знакомился с уголовным делом моего отца и 25 других братьев, проходивших с ним по делу в 1937 году, то там открылась ужаснейшая картина. Оказывается, для того, чтобы устроить крупный процесс над 26 «врагами народа» и 18 человек из них тут же расстрелять, а потом взяться и за председателя ВСЕХ Я. И. Жидкова, потребовались большие силы. Нужно было предварительно арестовать в Новосибирске старшего пресвитера по Западно-Сибирскому краю Отто Ивановича Кухмана и двух других братьев, обвинить их в крупномасштабном шпионаже по сбору военных сведений по Союзу и передаче их через родного брата Кухмана в германскую разведку.

Кроме того, О. И. Кухману было предъявлено обвинение в том, что якобы в Новосибирск из Москвы приезжал председатель ВСЕХ Я. И. Жидков с целью создания в Западной Сибири подпольного «Союза спасения религии» – для подготовки повстанческой организации на случай войны и вооруженного свержения советской власти, для совершения диверсий на фабриках и заводах, террористических актов против членов коммунистической партии и правительства. В эту организацию было, якобы, завербовано много верующих в разных городах Сибири, которые, по версии НКВД, собирались на совещания и разрабатывали планы дальнейшей контрреволюционной деятельности. В деле Кухмана и двух других новосибирских братьев явно просматривались нити, идущие из Москвы. Из материалов дела было ясно видно, что Отто Иванович Кухман и его товарищи целый год мужественно сражались, отвергая всю эту ложь. Да, у Кухмана был брат в Германии, они встречались в Одессе. Но никто никаких заданий ему не давал и никаких сведений он никому не передавал. Он никогда не встречался в Сибири с Я. И. Жидковым и не слышал ни о каком «Союзе спасения религии», никаких антисоветских действий не совершал.

Однако НКВД, на то и НКВД, чтобы уметь заставить человека оговорить себя и других. Кухмана подвергали истязаниям, о которых в 1956 году правительственная Комиссия по пересмотру уголовно-политических дел лаконично заметит: «К обвиняемому О. И. Кухману следователями применялись недозволенные методы ведения следствия». Что скрывается за фразой «недозволенные методы ведения следствия»? Послушаем самого Кухмана, о чем он, еле живой, рассказывал пресвитеру Усть-Тальменской церкви Иосифу Федоровичу Титкову, оказавшемуся вместе с ним в одной камере (брат Титков в 1950 году рассказывал мне): «Когда меня ввели в кабинет следователя на очную ставку, Федор Пименович лежал на полу в луже крови, без сознания. Следователь говорит: «Если и ты не признаешь, что руководил «Союзом

спасения религии», то и с тобой будет то же самое, что и с Куксенко». Я отказался и говорю, что я ничего не знаю. Тогда вышли четыре верзилы и стали бить меня так, что я летал из угла в угол, пока не пошла из горла кровь, и я потерял сознание. На меня вылили ведро воды, подтащили к столу, вложили в руку ручку и сказали: «Подписывай, и мы сохраним тебе жизнь!» Я опять отказался, и меня снова стали бить... И я, кажется, подписал. Себе-то я сделал хорошо, а Федору Пименовичу уже никогда не выйти отсюда...»

Подписал, дорогой Отто Иванович, подписал... Столбец с вопросами следователя – лейтенанта Юрчика и своими ответами. Другой столбец – Федора Пименовича – остался неподписанным. Не хватило сил у НКВД заставить его. Этот страшный протокол «очной ставки» (его ксерокопия) – живой свидетель предсмертных мук. На его основании «тройка» вынесла постановление о расстреле. Этот протокол хранится у меня для истории.

Из 26 участников по делу 17 братьев и одна сестра через девять дней были расстреляны. Остальные получили сроки от восьми лет и выше.

А Отто Кухману сохранили жизнь, как обещали в НКВД?

– Он проходил с братьями по другому делу, и их также расстреляли.

Итак, когда в 1937 году закончился суд над членами «Союза спасения религии» в Новосибирске, можно было начинать такой суд и над основателем этого союза – Я. И. Жидковым. Он был осужден на восемь лет, как я уже говорил, и его место занял присланный из Новосибирска М. А. Орлов, который вел дела во ВСЕХБ в Москве до октября 1944 года.

Анализируя пройденный путь братства евангельских христиан-баптистов в невероятно тяжелые 30-е годы XX века, мы должны с благодарностью Богу отметить, что, несмотря на бесчеловечно жестокие страдания и лишения народа Божия, враги не смогли достичь своей главной цели. Им не удалось внутренне раздробить верующих на враждующие друг с другом группировки, толки и кривотолки, и братство сохранилось единым – и по своему вероучению, и по вопросам домостроительства, и по составу. Оно не разделилось на легальных и нелегальных, чистых и нечистых, верных и неверных – все перегорело, переплавилось в огне. Врагу не удалось повторить «православный вариант», т. е. посорить, разделить и противопоставить верующих друг другу. Наоборот, в суровые годы войны совершилось то, о чем молились и к чему стремились лучшие умы наших братьев-отцов: в октябре 1944 года произошло официальное объединение обоих Союзов евангельских христиан и баптистов в один Союз ЕХБ.

Помню, как радовались братья и сестры нашей церкви в Алма-Ате, когда услышали об объединении Союзов. Они помнили 20-е годы. Сколько неприязни было раньше между баптистами и евангельскими христианами! Сколько преткновения и соблазна порождали эти междоусобицы для ищущих Бога, особенно для детей верующих родителей! Они нередко говорили: вы же братья! У вас один Бог, одна Библия, почему же вы собираетесь по разным углам и не дружите между собой? Теперь этим соблазнам пришел конец.

В 1944 году в нашей церкви находились старые работники Союза баптистов 20-х годов. Некоторые из них вспоминали: в 1925 году в Омске проходил Сибирский назидательный съезд баптистов. В президиум съезда поступила записка: «Скажите, когда закончится война между союзами и наступит мир?» Председательствующий А. С. Ананьин ответил: «В хорошую погоду пастухи нередко ссорятся между собой: то из-за овец, то из-за пастбища. Но когда сгущаются тучи и поднимается ураган, – а в это время начинают рыскать волки, – тогда пастухи забывают свои ссоры, сгоняют овец в одно укрытие и дружно охраняют их. Так, наверное, скоро случится и в нашем братстве. Бог пошлет такую бурю, в которой мы забудем всякие деления, рознь и объединимся. И будет одно стадо и один Пастырь». Таким образом, брат предсказал гонения, страшные военные годы и объединение двух братских союзов в один Союз. Этому объединению все радовались.

Беседа третья

Юрий Федорович, вы в таких светлых тонах рисуете период пробуждения нашего братства и образование духовного, если так можно выразиться, центра ВСЕХБ в военные годы? Это так не похоже на изложения других братьев. Взять, к примеру, брошюру «По пути возрождения». В ней говорится, что в 1944 году произошла не победа братства, а победа над братством, и что совсем не стоило радоваться открытию собраний; что идея создания союзного центра ВСЕХБ родилась не в сердце народа Божьего, а была выношена в кабинетах НКВД, и начало ее осуществления было положено в лагерях военного времени; что руководство ВСЕХБ было создано властями из отступивших от Бога служителей старых союзов евангельских христиан и баптистов, которые еще в заключении давали согласие на тайное сотрудничество с властями; что и само объединение двух союзов евангельских христиан и баптистов совершалось под диктовку НКВД и т. д. Когда читаешь все это, то в ужас приходишь. Создается впечатление, что мы унаследовали какое-то отступившее от Бога, мертвое братство, не имеющее Бога, Христа, что в руководстве зарегистрированных общин с самого начала стояли одни отступники и тайные сотрудники НКВД, и думаешь: куда мы попали? Хоть сразу закрывай глаза и беги! Вы уверовали в те годы, возможно, и лично знали кого-то из первых руководителей ВСЕХБ. Помогите нам разобраться в этих вопросах.

– В живописи есть такой художественный прием: чтобы ярче высветить на картине нужный предмет, сильнее затемняют фон. В природе людской тоже существует закон: чтобы высветить себя, больше подчеркнуть свою значимость, надо принизить других.

Для того чтобы правильно ответить на ваши вопросы, нужно выяснить, что вы имеете в виду под словом «братство», когда говорите, например, о пробуждении братства евангельских христиан-баптистов? Если это – охладевшие или уснувшие верующие, то это одно дело. Никак нельзя не радоваться, что они пробуждались от многолетней духовной спячки и открывали собрания. Если же вы под словом «братство» имеете в виду руководство Союза ВСЕХБ, когда говорите «мы унаследовали богоотступное, мертвое братство», то это другое дело. Здесь действительно мало радости. И смешивать эти два понятия нельзя. Братство евангельских христиан-баптистов – это народ Божий, поместные церкви Христовы. Они выдержали великий подвиг страдания, и Господь поднимал, восстанавливал их из руин. Мы имеем великую честь принадлежать к этому огромному сонму. ВСЕХБ же был руководящим органом межцерковной организации, призванным не руководить духовной жизнью поместных церквей (хотя он присваивал себе это право), а лишь содействовать устройству общин и помогать им в работе. Такое руководство могло отступать от библейских принципов в 40-е и последующие годы XX века, но это не должно повергать нас в отчаяние. Само братство, т. е. поместные церкви, жили самостоятельной духовной жизнью, питаясь непосредственно от Христа, трудились, страдали и являли верность Богу. Это зависело от степени жертвенности местных братьев. Они не ожидали, что руководство союза будет отвоевывать им свободу и преподносить ее на блюде, а сами шли на риск, трудились, страдали, и Господь благословлял их труд. Там же, где братья на местах жили страхами 30-х годов, не хотели ничем жертвовать и по всякому вопросу бежали к уполномоченным или еще дальше, там пусть будет хоть золотой союз, а дело Божье будет падать. И виноват будет у них союз! Для пояснения приведу два противоположных примера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.